

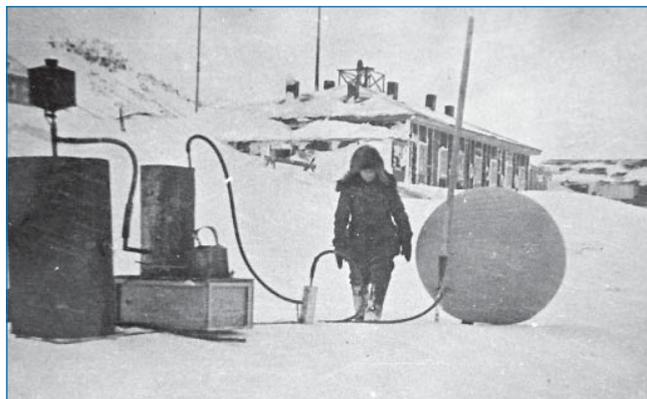
ПОЛЯРНАЯ СТАНЦИЯ «БУХТА ТИХАЯ» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Создавшееся положение заставило руководство ГУСМП организовать срочную эвакуацию полярников б. Тихая при помощи авиации. Разумеется, ни о каком полноценном снабжении станций в этом случае не могло быть и речи, однако сокращение личного состава осенью 1941 года состоялось — на это указывает отчет Б.М. Михайлова (см.: Отчет о работе полярной геофиз. обсерватории и радиостанции в б. Тихой, 1940–1941 гг.: (Рукопись) // ГФ ААНИИ. № О-406). Тогда же, по всей видимости, обсерватория получила ограниченное количество наиболее необходимых материалов, в частности химикалии для производства водорода, оболочки радиозондов и шаров-пилотов.

В преддверии зимы сокращенный личный состав вновь переселился в дом № 1, все остальные жилые помещения были законсервированы, из рабочих продолжали отапливаться только радиорубка, мехчасть, лаборатория ионосферных исследований и магнитный павильон. С разрешения ГУСМП на дрова были разобраны один склад постройки 1937 года и один самолетный ящик. Хотя станция и не получила новую программу научных работ, наблюдения продолжались по плану 1940 года. Обсерватория работала на полную мощность: выполнялись метеорологические и магнитные наблюдения; проводились измерения высоты ионосферы при помощи отраженных радиосигналов, изучались полярные сияния, а прохождение радиоволн наблюдалось путем прослушивания 10–15 коротковолновых радиостанций американского, полярного и московского направлений. Лаборатория атмосферного электричества долго простаивала из-за невозможности наладить присланный в 1940 году электрометр Бендорфа. Отдел актинометрии продолжал измерения интенсивности солнечного излучения, чему мешало неудачное расположение павильона. Для устранения затенения пристройка с камерой для фотозаписи была в 1941 году приподнята «на городках». В феврале 1941 года со льда б. Тихая был проведен промер глубин подхода к станции на площади 0,2 км² (см.: Отчет о работе полярной геофиз. обсерватории и радиостанции в б. Тихой, 1940–1941 гг.: (Рукопись) // ГФ ААНИИ. № О-406; Отчет п/станции «Б. Тихая» по разделам метеорологии и гидрологии, зимовка 1940–1941 гг.: (Рукопись) // ГФ ААНИИ. № 1782; Отчет п/станции «Б. Тихая» по разделу метеорологии, зимовка 1941–1948 гг.: (Рукопись) // ГФ ААНИИ. № 1783).

Объем радиозондирований атмосферы и шаропилотных наблюдений в 1941–1942 годах пришлось сильно уменьшить по сравнению с предшествующим сезоном.

Следует отметить, что в 1941 году обсерватория начала запуски радиозондов только 1 июня, что объяс-

Наполнение оболочки метеозонда при помощи газогенератора, 1941 год.
Фото Б.М. Михайлова. Госфонд ААНИИ. № О-406

нялось острой нехваткой материалов: в 1940 году смена Б.М. Михайлова завезла в б. Тихая всего 252 зонда (из них 63 были «выпрошены» в Архангельске у местных метеорологов), и к лету следующего года их остаток был мизерным. Еще 31 зонд хранился на станции в неисправном состоянии, представляя собой определенный резерв (см.: Отчет о работе п/станции «Б. Тихая» по разделу аэрологии, зимовки 1940–1946 гг.: (Рукопись) // ГФ ААНИИ. № 2917).

В апреле 1942 года было принято решение о вывозе полярников с о. Рудольфа силами авиации. В ходе данного рейса самолет Н-311 под командованием И.И. Черевичного также посетил б. Тихая, что дало возможность оставить в штате обсерватории некоторых сотрудников самой северной станции ЗФИ. Среди них были врач Н.П. Крашенинников, известный своим участием в драматических событиях т.н. «дела Семенчука» на о. Врангеля в 1935 году, а также метеоролог Т.И. Рябинин. Тогда же, по всей видимости, б. Тихая покинул Б.М. Михайлов, а пост начальника обсерватории занял Н.П. Крашенинников (см.: Ледовый ежегодник 1941–42 гг. М.: Изд-во Главсевморпути, 1949. С. 115, 125–127; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1461. Оп.1. Д. 1. Л. 58, 71).

В июне 1942 года обсерватория прекратила актинометрические наблюдения, примерно тогда же рабочий кабинет аэрологов и газогенераторную для выработки водорода перенесли в помещения овощехранилища — ни пиломатериалов, ни свежих овощей на станции более не оставалось, да к тому же на новом месте было значительно теплее. Овощехранилище разделили на две половины, отапливавшиеся одной печью. В одной из них помещался газогенератор, эффективность которого в тепле значительно возросла. Выпускная труба устройства была выведена в «хранилище морозостойких овощей», примыкавшее к павильону с восточной стороны, — эта легкая постройка ранее также использовалась для столярных работ. Домик нарастили в высоту и оборудовали воротами для выноса наполненных метеобаллонов. Новые помещения аэрологов нельзя было сравнить с прежним павильоном постройки 1935 года,

* Окончание. Начало см.: Российские полярные исследования. 2018. № 2. С. 40–43. <http://www.aari.ru/misc/publicat/rpr.php>

Годы	Запуски радиозондов	Макс. высота	Запуски шаров-пилотов	В т.ч. базисные
1940–1941 гг.	187	20 км	774	245
1941–1942 гг.	21	21,6 км	262	65

постоянно заносившимся снегом и угрожавшим улететь при каждом усилении ветра. Не позднее конца 1942 года рядом с новым павильоном построили вышку для отслеживания зондов и шаров-пилотов: прежний пункт, располагавшийся на крыше дома № 1, был постоянно затянут дымом печных труб. Отрицательная сторона улучшений в работе аэрологов состояла в том, что их хозяйство оказалось в близком соседстве с магнитным павильоном. Магнитологу пришлось вычислять влияние металла газогенераторной установки на работу магнитометрического оборудования и учитывать его при снятии показаний. Сам В.А. Успенский с июля 1941 года по июль 1942 года выполнил 372 серии абсолютных наблюдений вместо 192, предусмотренных программой 1940 года. При этом магнитный павильон, отапливавшийся одной, да к тому же неисправной кирпичной печью, считался одним из самых неуютных зданий станции. 441 час записи вариаций магнитного поля был выполнен Успенским при температуре ниже 0 °С, что составляло 51 % всего времени наблюдений в 1941–1942 годах. Помимо наблюдений магнитолог занимался установкой «нивелировочной вековой марки», вделанной в опорный столб в юго-восточной части павильона. При этом столб обмазали цементным раствором, по свежей поверхности которого была сделана надпись: «1942 г. Установлена 20/VIII Успенским В.А.» (см.: Отчет о работе п/станции «Б. Тихая» по разделу аэрологии, зимовки 1940–1946 гг.: (Рукопись) // ГФ ААНИИ. № 2917; Отчеты п/станции «Б. Тихая» по разделу магнитологии с 1.07.41 по 31.07.46 г.: (Рукописи) // ГФ ААНИИ. № 1752–1756).

Первый военный рейс судна-снабженца в б. Тихая был организован только в сентябре 1942 года. Ледокольный пароход «Г. Седов», обеспечивавший строительство станции в 1929 году, на этот раз должен был добраться до ЗФИ из порта Диксон. К вечеру 24 сентября пароход закончил бункеровку и вышел на рейд для приемки грузов с барж. Спустя сутки судно покинуло Диксон, имея на борту 69 т груза, плавсредства экспедиции и двух пассажиров. Задержавшись еще на день для налива пресной воды, «Г. Седов» направился к своей цели, постоянно имея «боевую готовность № 2». Для уменьшения вероятности встречи с немецкими подлодками и авиацией капитан Э.Г. Румке направился прямо на север Карского моря, об-

ходя с запада острова Свердруп и Уединения. Достигнув точки с координатами 79° 34' с.ш. и 79° 04' в.д., «Г.Седов» лег на западный курс и 30 сентября подошел к Земле Франца-Иосифа. Вечером того же дня пароход прибыл в б. Тихая — она была забита дрейфующим льдом, у кромки которого и пришлось остановиться для разгрузки. Ни на станции, ни на пароходе не было моторного катера, а привезенный с Диксона «петушок» (очевидно, шлюпка с подвесным мотором) оказался бесполезен. Снабжение перевозилось в имевшихся на станции карбасах грузоподъемностью 3 и 5 т — их приходилось вести к берегу на буксире гребных шлюпок, с трудом пробиваясь через лед. «Г. Седов» простоял в б. Тихая до 7 октября, но даже за неделю выгрузку не удалось закончить: в трюмах остались 17 т драгоценного угля, предназначавшегося обсерватории. Свежих продуктов питания среди доставленного почти не было. 7 октября 1942 года «Г. Седов» ушел, приняв на борт 7 т обратного груза и 7 пассажиров. Утром 10 октября пароход пришел на рейд порта Диксон, проследовав через Карское море тем же маршрутом (см.: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9570. Оп. 2. Д. 874. Л. 96–99).

Автору этой статьи с большим трудом удалось восстановить приблизительный список лиц, трудившихся в б. Тихая в военные годы. Объясняется это как недоступностью многих материалов, так и их разрозненностью. Помимо Госфонда ААНИИ в Санкт-Петербурге пришлось обращаться к документам Российского государственного архива экономики (г. Москва) и Государственного архива Красноярского края. Таким образом удалось выяснить, что из смены Б.М. Михайлова до сентября 1944 года на станции оставались аэрологи Г.М. Силин, И.Л. Третьяков и В.С. Архаров; метеоролог В.И. Сеникин, специалист по атмосферному электричеству Ю.В. Краснопевцев и актинометрист Л.Ф. Овчинников, с июня 1942 года также выполнявший функции основного метеонаблюдателя. В течение того же времени оставались на своем посту ионосферисты В.М. Дриацкий и И.И. Петров, прибывшие в б. Тихая еще в 1939 году. Тяжелее всех пришлось магнитологу В.А. Успенскому: приехав в б. Тихая в 1940 году, он должен был покинуть станцию по состоянию здоровья в 1943 году, однако в итоге проработал в обсерватории до конца войны! С апреля 1942 года в б. Тихая работали

Нивелировочная метка в основании магнитного павильона п/ст «Бухта Тихая», установленная в 1942 году. Июль 2012 года. Фото автора

Магнитный павильон п/ст «Бухта Тихая» в 1944 год.
Фото М.Д. Кузьменко. Госфонд ААНИИ, № 2917

метеоролог П.И. Рябинин и врач Н.П. Крашенинников, совмещавший обязанности медика с функциями начальника обсерватории. Этот статус Крашенинникова был подтвержден в апреле 1943 года, при этом в соответствующем приказе по ГУСМП он упоминался именно как действующий начальник обсерватории, чьи полномочия продлевались до 1944 года. Врач П.В. Рябов, механик В.С. Плосконосов, служитель-скотник З.З. Гарифулин, повара Ю.М. Курейко и В.И. Петров, а также плотник В.П. Истомина, по-видимому, покинули станцию в октябре 1942 года на борту «Г. Седова». В последующие годы вместо них в документах фигурируют механик Е.В. Наркевский и плотник-печник А. Калининский.

«Г. Седов» доставил на станцию всего 60 радиозондов, которые вдобавок не имели элементов питания. Это вынуждало аэрологов вновь сокращать количество запусков — с августа 1942 года они производились только по спецзаданиям Арктического НИИ и Бюро погоды п. Диксон. С августа 1942 года по апрель 1943 года было выпущено 27 зондов, при этом два запуска закончились неудачей, а максимальная достигнутая высота составила 21,1 км. Зато аэрологи смогли выполнить 260 шаропилотных наблюдений, в т.ч. 121 базисное. В октябре 1942 года в б. Тихая закончились запасы водорода в баллонах, считавшегося наиболее качественным. Газ для запуска метеозондов пришлось добывать самим при помощи газогенераторов: в дополнение к трем имеющимся полярники собрали третий, кустарный, производительностью 10 л. (см.: Отчет о работе п/станции «Б. Тихая» по разделу аэрологии, зимовки 1940–1946 гг.: (Рукопись) // ГФ ААНИИ. № 2917).

С наступлением холодов стало ясно, что очередная зима будет еще более трудной. Топлива по-прежнему не хватало, к тому же уголь, привезенный «Г. Седовым», представлял собой, по выражению В.А. Успенского, «пыль от низкосортных сортов угля». Пришлось снова браться за разборку подсобных строений станции, «жертвами» которой стали еще один склад постройки 1937 года и последний самолетный ящик. Несколько улучшить отопление используемых полярниками помещений удалось в результате ремонта печей. По-прежнему доставлял много хлопот магнитный павильон: в силу специфики научных работ в печи здания можно было использовать только импровизированные колосники, затейливо выложенные из кирпичей. При интенсивной топке некачественным углем они быстро забивались золой, от чего, впрочем, страдали и все прочие печи. Не менее серьезным препятствием в работе магнитолога стало отсутствие специальной фотобумаги. В.А. Успенский и здесь нашел выход из положения, заимствовав бумагу другого типа у ионосферистов и нарезав ее полосками необходимой ширины. Несмотря на трудности, в 1942–1943 годах отдел магнитологии станции выполнил 447 серий абсолютных наблюдений, значительно превысив норму 1940 года. Не меньшую важность имела деятельность лаборатории радиоволн и ионосферы: на тот момент она была одной из двух (!) ионосферных станций, все еще действовавших в СССР, — вторая работала в Томском государственном университете (см.: Отчеты п/станции «Б. Тихая» по разделу магнитологии с 1.07.41 по 31.07.46 год: (Рукописи) // ГФ ААНИИ. № 1752–1756; Отчет о работе п/станции «Б. Тихая» по разделу ионосферы, 1939–44, 1945–46 гг.: (Рукописи) // ГФ ААНИИ. № 1736–1737; Ляхов Б.М. НИИЗМ — НИЗМИР — ИЗМИРАН: Ист. очерк, 1940–1990) Л., 1989).

В апреле 1943 года б. Тихая посещалась самолетами ледовой разведки Н-311 и Н-313 (последний под

командованием Ю.К. Орлова). При этом Н-311 И.И. Черевичного вновь посетил о. Рудольфа и мог перебраться оттуда в б. Тихая некоторые приборы и продукты. Очевидно, с одним из самолетов с Большой земли прибыли метеоролог И.М. Шариков, оставшийся в б. Тихая до мая 1945 года, и геофизик В.И. Герасименко, сменивший Н.П. Крашенинникова в роли начальника обсерватории. По какой причине последний был отозван с ЗФИ, остается неясным. Кроме того, в течение войны самолетами неоднократно производился сброс посылок — таким образом в б. Тихая доставлялись почта, бланки научной отчетности и т.п. материалы, не боящиеся удара о землю. Разумеется, авиация не могла обеспечить завоз достаточного количества материалов для радиозондирования атмосферы — в первую очередь водорода в баллонах. Данные работы на станции пришлось прекратить почти на полгода начиная с апреля 1943 года. Летом того же года стало ясно, что осенний заход судна на ЗФИ не состоится. Это привело к серьезным осложнениям в заброске на острова новых сотрудников обсерватории, назначенных в июне 1943 года. М.А. Алипова (жена В.М. Дриацкого) должна была стать новым магнитологом станции взамен жаловавшегося на ухудшение здоровья В.А. Успенского. А.В. Король собиралась трудиться в должности младшего аэролога, а Л.И. Фещенко — радиооператора. Кроме того, в конце июня 1943 года З.Д. Кононова (очевидно, жена В.И. Герасименко) была назначена поваром обсерватории с разрешением выехать в б. Тихая в сопровождении 5-летней дочери Аллы. Начиная с сентября 1942 года штатного повара на станции не было — его обязанности выполнялись сотрудниками по очереди. Все новоиспеченные полярники находились в эвакуации в Красноярске. В июле 1943 года З.Д. Кононова должна была выехать вниз по р. Енисей на пароходе «Спартак» — по-видимому, чтобы добраться до п. Диксон и вылететь на ЗФИ самолетом. Автор статьи не располагает сведениями, подтверждающими появление в б. Тихая З.Д. Кононовой, А.В. Король и Л.И. Фещенко, хотя они и могли прибыть туда в самом конце войны на борту ледового разведчика Н-339 под командованием И.И. Черевичного, посещавшего станцию 23–27 сентября 1944 года. Достоверно известно, что станционная кухня находилась в мужских руках — с августа 1943 года в роли повара постоянно выступал метеоролог И.М. Шариков, чья стряпня была признана коллегами лучшей (с октября 1943 года приказом по станции Шариков был даже освобожден от участия в метеонаблюдениях). Что касается М.А. Алиповой, то ее ждали на станции в августе 1944 года, речь об этом пойдет ниже (см.: ГАКК. Ф. Р-1461. Оп. 1. Д. 1. Л. 58, 71; Отчеты п/станции «Б. Тихая» по разделу магнитологии с 1.07.41 по 31.07.46 г.: (Рукописи) // ГФ ААНИИ. № 1752–1756; Отчет п/станции «Б. Тихая» по разделу метеорологии, зимовка 1941–48 гг.: (Рукопись) // ГФ ААНИИ. № 1783; Ледовый ежегодник 1943–44 гг. М., 1950. С. 144).

Осенью 1943 года отмена рейса парохода означала для полярников б. Тихая новые меры, направленные на экономию топлива. В приказе по обсерватории от 30 октября 1943 года устанавливались жесткие нормы его отпуска, а ответственность за топку в рабочих помещениях и поддержание в них минимальной температуры, «необходимой для производства наблюдений и действия приборов», возлагалась на научных сотрудников. Приказ заканчивался грозным предупреждением: «Нарушение установленного порядка расхода топлива или использование в качестве последнего каких бы то ни было материалов, построек, мебели и т.п., находя-

шихся на территории станции, буду рассматривать как расхищение имущества станции со всеми вытекающими последствиями». Приказ привел к конфликту между В.И. Герасименко и В.А. Успенским, считавшим отпущенные для магнитного павильона 4,5 кубометров дров совершенно недостаточными для работы его оборудования. В дополнение к постоянным скачкам температуры в рабочей комнате, несчастный магнитолог страдал от необходимости осматривать каждое из доставшихся ему поленьев: дрова, полученные от разобранных построек, содержали множество гвоздей, болтов и т.п. недопустимого в магнитологии мелкого железного лома. Для пополнения запаса дров по-прежнему использовали «местные ресурсы», заготавливая плавник и разбирая постройки станции, — на этот раз в топку пошла половина продуктового склада (именно его непрезентабельный вид впоследствии породил миф об обстреле Тихой немецкой субмариной) и, по-видимому, «холодная» половина дома № 2, который на довоенных фотографиях выглядит явно больше нынешнего (см.: Отчеты п/станции «Б. Тихая» по разделу магнитологии с 1.07.41 по 31.07.46 г.: (Рукописи) // ГФ ААНИИ. № 1752–1756).

Автору статьи приходилось встречать в различных источниках упоминания о том, что 23 сентября 1943 года обсерваторию в б. Тихая облетали два немецких разведывательных самолета, не предпринимавшие, впрочем, каких-либо враждебных действий. В действительности указанное событие имело место в 14 ч 22 мин. 25 сентября 1943 года. Неизвестный тяжелый 4-моторный самолет появился с севера и пролетел над станцией, следуя на юго-запад на высоте 300–400 м. Тот факт, что нежданный гость прилетел с севера, дал полярникам основание предполагать наличие «немецкого аэродрома на о. Рудольфа». Впрочем, советские ледовые разведчики, посещавшие самый северный остров ЗФИ весной 1943 года, присутствия врага не обнаружили (см.: Архивные материалы по Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. на Северном военном театре. Сост. В.П. Кутуков, 1958 // ГФ ААНИИ. Ф. Р-1427. С. 268–269; Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Северном морском театре. М.; Л.: Изд. Упр. военно-морского изд-ва НКВМФ СССР, 1945. Вып. 5. С. 170).

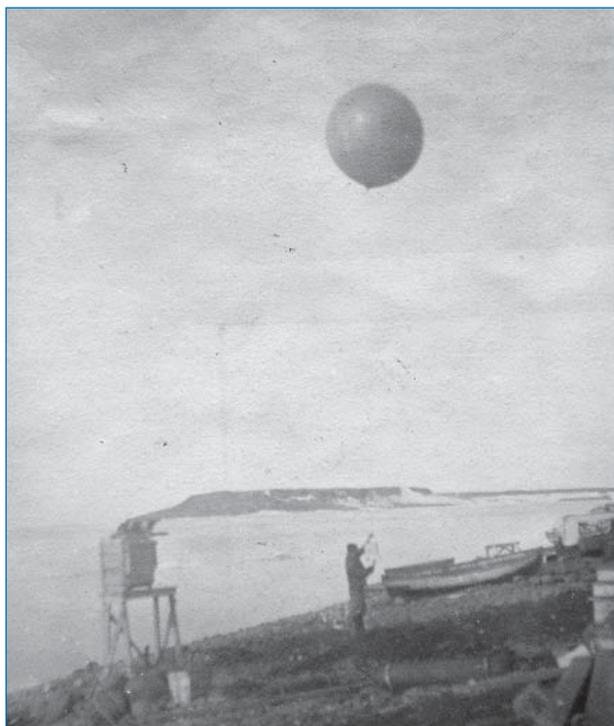
Скорее всего, визит неизвестного самолета был связан с событиями на Земле Александры — самом западном острове ЗФИ. 22 сентября 1943 года в северо-восточной части острова была организована германская военная метеостанция «Кладоискатель», с ноября 1943 по июль 1944 года осуществившая 125 радиозондирований атмосферы и передавшая 739 метеосводок в интересах гитлеровского военного командования. Деятельность станции протекала в обстановке строгой секретности и прекратилась после того, как летом 1944 года ее личный состав заразился трихинеллезом при употреблении медвежьего мяса. В обеспечении деятельности «Кладоискателя» принимали участие 4-моторные самолеты дальнего действия «Fw 200 Condor» — скорее всего, один из них и наведлся в б. Тихая для выяснения обстановки, а заход машины на станцию с севера объяснялся нежеланием экипажа раскрывать истинное направление своего полета в районе ЗФИ (см.: Скалина И. Загадка «Кладоискателя» // Новодвинский рабочий. 2016. 16 нояб.).

Летом 1944 года завоз снабжения был для п/ст б. Тихая делом насущной необходимости. В июле В.А. Успенский получил от руководства радиограмму, предписывавшую ему начать практические занятия с В.М. Дриацким с тем, чтобы последний мог оказать «квалифицированную помощь в работе на месте» новому магнитологу М.А.

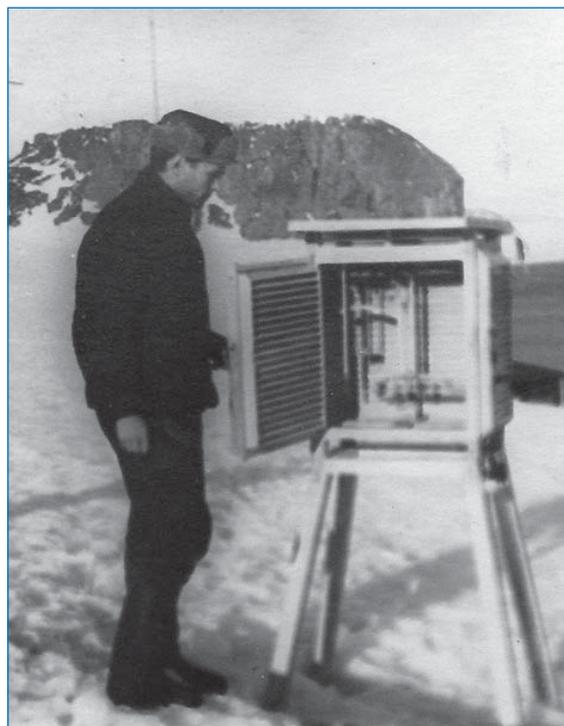
Алиповой. Жена В.М. Дриацкого была в числе пассажиров парохода «Марина Раскова», 8 августа 1944 года вышедшего из Архангельска в рейс к о. Диксон и далее в обход многих полярных станций: среди попутчиков М.А. Алиповой, в частности, были полярники, ехавшие на о. Уединения в центральной части Карского моря. Можно предположить, что пароход должен был пройти к ЗФИ тем же маршрутом, что и «Г. Седов», однако военная судьба распорядилась иначе. Вечером 12 августа 1944 года маленький конвой БД-5, в составе которого шла «Марина Раскова», был атакован в 60 милях к западу от о. Белый немецкой субмариной U-365. Три из четырех судов конвоя были потоплены, трагедия унесла жизни 376 человек из 760. Можно представить себе, каким ударом стало для В.М. Дриацкого известие о гибели судна: геофизик был уверен, что потерял не только жену, но и малолетнюю дочь. Девочка умерла от болезни еще в Красноярске, а ехавшая в одиночестве М.А. Алипова, к счастью, оказалась в числе спасенных с погибшего транспорта и встретила с мужем только после войны. Что касается магнитного павильона в б. Тихая, то в отсутствие квалифицированной смены В.А. Успенскому вновь пришлось остаться на этом ответственном посту (см.: Отчеты п/станции «Б. Тихая» по разделу магнитологии с 1.07.41 по 31.07.46 года: (Рукописи) // ГФ ААНИИ. № 1752–1756; Книга памяти Ямало-Ненецкого автономного округа // <http://memorybook.yanao.ru/>; Стругацкий, В. Один полет Матвея Ильича // <http://smena.ru/news/2010/05/07/17207>).

Более чем через месяц после гибели конвоя БД-5 в б. Тихая пришел минный заградитель № 90, он же ледокольный пароход «Мурман». Он доставил полярникам долгожданный груз продовольствия и топлива, а также 9 новых зимовщиков, в числе которых были метеоролог М.И. Малов, аэрологи М.Д. Кузьменко и А.К. Жомов (все они оставались на станции до октября 1946 года). Возможно также, что на борту «Мурмана» прибыл и специалист ионосферной лаборатории Л.П. Куперов, несомненно находившийся в б. Тихая летом 1945 году. «Мурман» вышел из п. Диксон 21 сентября 1944 года в сопровождении тральщика Т-116 и проследовал к ЗФИ через Карское море в обход Новой Земли. Ледовую разведку на пути следования отряда обеспечил самолет И.Ф. Черевичного. Разгрузка «Мурмана» в б. Тихая была произведена всего за два дня: уже 26 сентября судно покинуло станцию и проследовало в п. Диксон с заходом на м. Желания (см.: Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Северном морском театре. М.; Л.: Изд. Упр. военно-морского изд-ва НКВМФ СССР, 1945–1949. Вып.7. С. 255, 265–266, 275).

Приход судна стал для обсерватории настоящим предвестником победы. Завезенный уголь практически снял проблему отопления жилья и рабочих комнат. Уже с 1 октября 1944 года возобновили шаропилотные наблюдения — на протяжении полутора лет эти работы велись в б. Тихая в таком ограниченном объеме и так нерегулярно, что возглавивший группу аэрологии М.Д. Кузьменко не без гордости писал в отчете о «новом открытии данной страницы в истории станции». До конца июля 1945 года было выпущено 457 шаров-пилотов, в т.ч. было выполнено 220 базисных и 159 ночных наблюдений (29 из них прошли неудачно, а максимальная высота составила 14,7 км). Хуже обстояло дело с радиозондированием: на имевшихся у аэрологов старых элементах питания удалось запустить только 8 баллонов, при этом 2 пуска не дали результатов, а среди удачных максимальная высота подъема составила всего 6,6 км. На

Запуск радиозонда в б. Тихая в 1945 год.
Фото М.Д. Кузьменко. Госфонд ААНИИ. № 2917

Снятие показаний термометров на метеоплощадке п/ст «Бухта Тихая» в 1946 году.
Автор неизвестен. Госфонд ААНИИ. № 1783

борту «Мурмана» обсерваторию покинули как минимум 8 человек, тогда как оставшимся выпало завершить военную вахту. Из событий первых послевоенных месяцев можно упомянуть неполное солнечное затмение, наблюдавшееся на ЗФИ 9 июля 1945 года. За день до редкого явления обсерватория перешла на авральный режим работы, регистрируя процессы, происходящие в ионосфере, каждые 30 минут. Цикл наблюдений завершился только 10 июля, а 29 июля к станции подошел ледокол «И. Сталин» под командованием легендарного капитана В.И. Воронина — одного из основателей обсерватории в 1929 году. В течение последней военной зимы флагман советского ледокольного флота работал в Белом море, а в мае–июне 1945 года прошел ремонт в Молотовске (ныне Северодвинск). С 13 июля 1945 года «И. Сталин» находился в порту Диксон, готовясь к последним рейсам арктической навигации. 24 июля от начальника моропераций Западного сектора Арктики было получено распоряжение принять груз и пассажиров для следования в б. Тихая. В течение суток снабжение для станции было размещено на палубе ледокола, однако штормовая погода и опасность потери груза заставили В.И. Воронина задержать выход в море. 26 июля ледокол отправился на север при встречном четырехбалльном ветре, следуя по радиопеленгам Диксона и о. Белый. В ходе рейса впервые в практике отечественного ледокольного флота для навигации в высоких широтах Арктики был использован радар. Вечером 27 июля в точке с координатами $77^{\circ} 38' \text{ с.ш.}$ и $65^{\circ} 10' \text{ в.д.}$ корабль вошел в полосу разреженного льда, который вскоре достиг плотности 9 баллов. «И. Сталин» был вынужден сбавлять ход и уклоняться от ударов, выбирая более разреженные участки. Из льда вышли утром 28 июля в точке $77^{\circ} 53' \text{ с.ш.}$ и $60^{\circ} 00' \text{ в.д.}$: ширина полосы льдов, которую пришлось преодолеть ледоколу, оказалась равной 90 милям.

В 8 ч 30 мин. над судном пролетел самолет летчика Попова, а поздним вечером того же дня ледокол в густом тумане приблизился к м. Баренца острова Нортбрук. Определить положение судна традиционными методами

было невозможно, сигналы радиостанции б. Тихая также не могли указать В.И. Воронину точное направление. Ничего не оставалось, как встать на якорь на глубине около 40 м и выждать улучшения видимости. В ночь на 29 июля В.И. Воронин сумел определить позицию ледокола по данным радара и в 8 ч. утра вошел в пролив Британский Канал. Еще через два часа туман стал редеть, и капитан смог взять пеленги береговых объектов о. Нортбрук. Выяснилось, что недавнее определение местоположения с помощью приборов было настолько точным, что ледоколу даже не пришлось менять курс. В 13 ч 30 мин. «И. Сталин» отдал якорь вблизи станции б. Тихая: войти в бухту не давали крупные айсберги, один из которых стоял у станции уже в течение двух лет.

Доставленное снабжение вновь пришлось выгружать на плавсредства станции. На берег было переправлено 152 тонны грузов, на обратном пути к ледоколу на кунгасы грузили порожние бочки из-под топлива и другое имущество, отправляемое со станции на материк.

На борту «И. Сталина» прибыла метеоролог Н.Л. Рудакова, работавшая на станции до октября 1946 года (см.: Отчет о работе п/станции «Б.Тихая» по разделу аэрологии, зимовки 1940-46 гг.: (Рукопись) // ГФ ААНИИ. № 2917; Отчет о работе п/станции «Б.Тихая» по разделу ионосферы, 1939–44, 1945–46 гг.: (Рукописи) // ГФ ААНИИ. № 1736-1737; РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 944. Л. 113–152).

Так завершилась Великая Отечественная война для полярников бухты Тихая. За четыре трудных года им удалось избежать людских потерь, сохранить преемственность научных наблюдений одной из старейших полярных станций страны и внести значительный вклад в обеспечение морских и воздушных операций в Арктике. Деятельность работников обсерватории в 1941–1945 годах дает пример трудового героизма, не нуждающегося в приукрашивании.

Автор выражает благодарность С.В. Шулинину (г.Салехард) за ценные замечания и дополнения в ходе работы над статьей.

Д.В. Киселев (Москва)